

Риторика войны

Афганистан всегда воспринимался как «кладбище империй». От Александра Македонского до Британии, Советского Союза, США и коалиции НАТО Афганистан был и остается непобедимой страной. В 1920 году А. Снесарев, русский военачальник и востоковед, писал: «...трудно себе представить, что когда-либо имело смысл предпринимать военную кампанию в Средней Азии только во имя одного Афганистана. Афганистан — страна небогатая, завоевание его вызовет только ненависть гордого и свободолюбивого народа, удержать страну во власти трудно, почему и думать о том, что в будущем может назреть война только из-за Афганистана, нет смысла. Если и могут быть в Афганистане задачи, то только связанные с Индией и ее последующим покорением»¹.

В годы «холодной войны» Афганистан был территорией, на которой столкнулись интересы двух держав. Ни СССР, ни США не объявляли Афганистану войну, не причисляли страну к врагам, но лидеры обеих стран использовали риторику войны. Этот вид риторики, как полагает Рой Гутман², используется для того, чтобы описать те действия, которые далеки от самого понятия «война». Военные метафоры часто встречаются в спорте, коммерции и внутренней политике.

Государство, вступающее в войну, может выполнять функции полицейского или защитника слабых (политика ответственности) и избегает ярлыка «агрессор». В любом случае государства используют риторику справедливой войны, дабы оправдать применение насилия против другого суверенного государства или группы государств, представляющих угрозу.

Политическая риторика используется, чтобы поддержать лояльное общественное мнение и получить общественную поддержку для предстоящей военной операции. В период, который условно может быть назван *до* и *в начале* войны, власти эксплуатируют образы угрозы, врага и нестабильности

АВДОНИНА Наталья Сергеевна — старший преподаватель Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, кандидат политических наук.

Ключевые слова: военная риторика, формирование имиджа, война в Афганистане (1979–1989), война НАТО в Афганистане, война и СМИ, СССР, США, Дж. Буш, Л. И. Брежнев, международная безопасность.

¹ Снесарев А. Афганистан. М.: Русская панорама, 2002. С. 122.

² См. Gutman R. How we missed the story: Osama bin Laden, the Taliban, and the hijacking of Afghanistan. Wash.: United States Institute of Peace, 2008.

в определенном регионе. В данной статье анализируется риторика первых лет войны в американских и советских СМИ начального периода военной интервенции в Афганистан в 1979 и 2001 годах (1979—1983 и 2000—2003 годов). Цель статьи — проанализировать по схеме (угроза, враг, война и ответственность) военную риторику широко доступных журналов и официальных выступлений лидеров государств.

Проводя анализ официальной риторики и СМИ, мы ставим перед собой вопросы: в чем принципиально отличались и были похожи «Нью-Йоркер» и «Огонек», отражая риторику войны собственных правительств? как были представлены основные угрозы, враги и ответственность правительства действовать? какова была роль и степень участия СМИ, элитарных журналов в частности, в создании оригинального и критического взгляда на официальную риторику и внешнюю политику?

Эмпирической базой исследования стали журналы «Нью-Йоркер» и «Огонек» за период 1979—1989 и 2000—2003 годов. Оба издания ориентированы преимущественно на образованную аудиторию. Оба издания выходили еженедельно, что давало им возможность публиковать многостраничные репортажи и расследования без оглядки на актуальность информационного повода.

Методология

Принципиальным вопросом исследования является то, что, несмотря на различия в политической, социальной, культурной и медиа-сферах и традициях, структура аргументации и оправдания использования войск в советских и американских СМИ была схожей. Наша гипотеза — медиа поддерживали правительства с минимальной степенью критики *до* и *в первые годы* войны, следуя правительственной риторике.

Фрэнклин Гриффитс³ разработал оригинальную методологию для анализа образов *противника*, *«себя»* и *международной ситуации*. В статье эти категории доработаны, и эмпирический материал анализируется по четырем категориям: угроза, враг, война и ответственность.

Категория «угроза» означает «поведение» — то, что определяет политическую ситуацию в конкретном регионе или стране. Угроза есть основа для создания образа врага. Оба понятия, угроза и враг, создают атмосферу нервозности, страха и *небезопасности* в обществе. Страх — сильнейший стимул немедленной реакции на события; чувствуя себя в не-безопасности, люди объединяются «вокруг флага» — символа нации. Схема контент-анализа, используемая в исследовании, включает пять различных категорий угрозы: угроза стране, миру, Ближнему Востоку, Афганистану и непрямая угроза; и два различных образа врага: враги-террористы и враг-государство. На основании того, как воспринимается противник и собственный образ, формируется образ войны: это может быть война необъявленная, справедливая или же война тайная. Насколько противоречивы определения войны в СМИ и официальной риторике, позволяет понять степень зависимости журналистики от политики или, наоборот, сопротивления.

Другой категорией, используемой для оправдания вступления в войну, является «ответственность». Апеллирование к ответственности — та же по-

³ См. Johnson L. *Sovjetisk utrikesdebatt*. Lund: Dialogos, 1985. P. 139.

пулистская технология, что и риторика угрозы и врага; но дуальная природа ответственности (*перед* кем-то или чем-то и *за* кого-то или что-то) позволяет правительству разделить ответственность с обществом, от имени которого оно действует. В статье используется понятие «ответственность действовать», которая включает ответственность перед страной, миром, Ближним Востоком, ответственность помогать, защищать, предотвращать; и «ответственность за», чтобы описать принципиальные отличия между медийной и официальной риторикой: ответственность США и СССР за происходящее в Афганистане.

Коротко говоря, мы исследуем, кто или что представляет угрозу кому или чему; кто или что является врагом для кого или чего; кто или что ответственен перед кем или чем, за что или кого. Схема анализа основана на теории фрейминга, основные вопросы которой — кто фокусируется на тех или иных событиях, с какой целью, каким образом этот фрейминг осуществляется, и при каких обстоятельствах фрейминг имеет политическое значение⁴. Медиафреймы помещают новость в особый контекст так, что аудитория легко интерпретирует освещаемые события, как то угодно СМИ.

Эмпирическая база включает 42 статьи из «Нью-Йоркер», 17 — из «Огонька», 15 публичных выступлений президента Джорджа Буша и 31 официальный документ советского правительства.

Риторика войны

Риторика, помимо основного определения «наука об искусстве речи», может быть определена и как один из инструментов пропаганды. Риторика была синонимом убеждения до начала XX века⁵. Дональд Брайант полагал, что понимание пропаганды невозможно без понимания риторики⁶. Троица «риторика—символизм—мифология» является концептуальным скелетом любой пропаганды⁷. Из всех работ по риторике одной из самых классических остается «Риторика» Аристотеля.

Для Аристотеля убеждение является мерой риторической, он рассматривает риторику как синтез эмоции и причины и определяет три класса аргументов:

— *ethos*, характер оратора или использование эмоции как средства убеждения;

— *logos*, аргумент;

— *pathos*, или эмоции аудитории⁸.

Риторика *до* и *первых лет* войны — это вид совещательной риторики, ориентированной на будущее, направленной на убеждение и предопределение особого восприятия и взгляда на будущие события и различных политических акторов. Как заметил Грег Саймонс, это общераспространенная

⁴ См. Threat politics: new perspective on security, risk and crisis management / ed. by J. Eriksson. Aldershot, 2001. P. 5.

⁵ См. O'Shaughnessy N. J. Politics and propaganda. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 35.

⁶ См. Bryant D. C. Rhetoric: Its Functions and Its Scope // Quarterly Journal of Speech. 1953. Vol. 39. P. 401.

⁷ См. O'Shaughnessy N. J. Politics and propaganda. P. 66.

⁸ Аристотель. Риторика // Античные риторики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

практика, когда правительства и власти «смягчают» внутреннюю и международную общественность, чтобы подготовить их к войне, используя различные средства для убеждения⁹. Одними из верных стратегий он называет упрощение и поляризацию участников конфликта. Мы можем добавить еще одну стратегию — персонификация, которая широко используется при создании образа врага.

Освещение войны *до* или *в начале* конфликта часто происходит по схеме «от одного — многим», где один — это власти, многие — это общество; «один» использует массмедиа, чтобы убедить и повлиять на «многих». Два возможных варианта развития ситуации: массмедиа не верят в то, что публикуют, но у них нет выбора — они вынуждены прислушиваться к доминирующей пропаганде; СМИ верят пропаганде, отражают официальную версию реальности, но со временем может произойти крушение идеалов.

Военная риторика существует в особом контексте, это жестокая риторика, цель которой оправдать убийство одним человеком другого. Чтобы оправдать использование военной силы, власть может апеллировать к

Военная риторика существует в особом контексте, это жестокая риторика, цель которой оправдать убийство одним человеком другого. Чтобы защитить национальные и международные интересы, политикам необходимы угроза и враг; чтобы взывать к морали — ответственность действовать.

— *национальным интересам*. Основное понятие — враг, представляющий угрозу конкретной стране. Территория и ресурсы могут быть также причиной для использования силы. Но в современном мире, где сохранение мира и защита людей являются приоритетом, война,

которая ведется за территорию или ресурсы, может быть воспринята как бесчеловечная и безответственная;

— *международным интересам*. Государства ищут кооперации, а не гонки, чтобы защитить свои собственные национальные интересы, особенно перед лицом глобальной угрозы — например терроризма;

— *моральным причинам*. Государство должно иметь моральное право и силу предотвращать или останавливать руководство суверенной страны от совершения преступлений против человечности. Апеллирование к морали во внешней политике неразрывно связано с заботой о «слабых» государствах.

В 2002 году президент Дж. Буш заявил в «Стратегии национальной безопасности США», что «слабые государства, такие, как Афганистан, могут представлять такую же серьезную опасность нашим национальным интересам, как и сильные страны»¹⁰. Слабые государства могут быть угрозой, пото-

⁹ См. **Simons G.** Mass Media and Modern Warfare: Reporting on the Russian War on Terrorism. Farnham: Ashgate, 2010. P. 71.

¹⁰ The National Security Strategy. P. 5. — <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/>

му что: предоставляют убежище террористам; берут на себя ответственность за международные преступления и укрывают преступников; разрабатывают ядерное оружие; являются нестабильным регионом, что может спровоцировать региональный или международный кризис¹¹.

Все описанное выше приводит нас к трем фреймам: угроза, враг и ответственность. Чтобы защитить национальные и международные интересы, политикам необходимы угроза и враг; чтобы взывать к морали — ответственность действовать.

Риторика войны: «Нью-Йоркер» (2000—2003)

Определение угрозы

В статье понятие «угроза» рассматривается в контексте защиты безопасности — как национальной, так и международной. «Национальная безопасность» традиционно ассоциируется с понятиями страха и защиты от агрессии извне¹².

Основными акторами, представляющими *угрозу для США*, были Усама бен Ладен и его террористическая сеть и глобальный терроризм. Восемь статей «Нью-Йоркер» описывали лидера «Аль-Каиды» как человека, объявившего войну Америке: «Три года назад (1998 год. — *Н.А.*) Усама бен Ладен и его соратники из так называемого Всемирного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев выпустили на востоке Афганистана напыщенное “Воззвание”. Этот текст обрушивает обвинения на Соединенные Штаты в “оккупации” святой земли Аравии, “агрессии” против Ирака и поддержки “мелкого еврейского государства”... Убивать американцев и их союзников, как гражданских, так и военных, является долгом каждого мусульманина в любой стране, где это только возможно, пока мечеть Аль-Акса (Иерусалим) и мечеть Харам (Мекка) не будут освобождены из их тисков и пока их армии, разбитые и с опущенными крыльями, не покинут земли ислама»¹³.

До 11 сентября 2001 года «Нью-Йоркер» возлагал ответственность за бомбежки американских посольств в Сомали (1993) и в Восточной Африке (1998) на Бен Ладена. В 1979—1989 годах он был моджахедом, получавшим поддержку от США в «джихаде» против Советского Союза; но после 1989-го стал лидером террористов, которые способны дестабилизировать дружественные США страны: «Американцы обеспокоены, что Афганистан является благодатной почвой, на которой произрастут брошенные зерна исламского фанатизма, вскоре афганцы будут атаковать американские самолеты и бомбить посольства повсюду. Их страхи не беспочвенны. “Талибан” — это безработные ветераны, готовые и жаждущие вернуться на поле боя. “В XIX веке мы разбили британцев и не один раз”, — говорили мне афганцы. — В XX веке мы разбили русских. В XXI, если понадобится, мы разобьем и американцев!»¹⁴.

После теракта 11 сентября 2001 года угрозой для США стали несостоявшиеся государства, предоставляющие убежище террористам и разрабаты-

¹¹ *См. Wylер L. S.* Weak and Failing States: Evolving Security Threats and U.S. Policy. Congressional Research Service. 18.04.2008.

¹² *См. ibid.* P. 16.

¹³ **Hertzberg H., Remnick D.** The Trap // The New Yorker. 01.10.2001.

¹⁴ **Vollmann W. T.** Across the Divide // The New Yorker. 15.05.2000.

вающие ядерное и химическое оружие. Фреймы, используемые «Нью-Йоркер» сразу же после теракта, нуждаются в специальном комментировании. Авторы провели параллели между 11 сентября 2001 года и битвами при Сталинграде, Кхе Сане, Сараево, ситуацией в Палестине, бомбардировкой Хиросимы и массовым убийством в Май Лей, Холокостом и нападением на Перл-Харбор. Почти все эти события имеют отношение к США и, несмотря на различные исторический и политический контексты, иллюстрируют дуальную природу внешней политики: одна и та же страна может стать как жертвой, так и агрессором.

Риторика «Нью-Йоркер» отличалась от официальных заявлений президента Дж. Буша. В качестве угрозы США он называл террористов, преступные группировки и враждебные режимы: «террористы планируют еще больше убийств»¹⁵ и атак на США, они разрабатывают оружие массового уничтожения (ОМУ). В отличие от «Нью-Йоркер» Буш не упоминал об Усаме бен Ладене и «Аль-Каиде» как угрозе для США; его риторика об угрозе была значительно шире, что соответствовало задаче внешней политики — искоренить терроризм по всему миру, а не только наказать конкретного преступника.

Риторика «Нью-Йоркер» соответствовала традиционному освещению войны: есть враг, который объявил нам войну и стал причиной кровопролития. Президент Буш описывал угрозы в более абстрактных понятиях, говоря в целом о террористах, преступных группировках и враждебных режимах.

Угрозами миру согласно «Нью-Йоркер» были фундаментализм, «Исламистский джихад», террористы и «Талибан». Террористы и «Талибан» имели общую историю: сражались против советских солдат в 1979—1989 годах; в Афганистане террористы имели доступ к тренировочным лагерям; «Талибан» был способен распространить свое влияние на другие охваченные войной и конфликтами исламские страны. После теракта 11 сентября идея «конфликта цивилизаций» (Самюэль Хантингтон) стала центральной в риторике «Нью-Йоркера».

Президент Буш назвал следующие группы, угрожающие миру: ХАМАС, «Хезболла», «Исламистский джихад», «Джайши-Мохаммед», «Аль-Каида», он использовал выражение «ось зла», куда входили Северная Корея, Иран и Ирак — враждебные режимы, разрабатывающие ОМУ. Буш провел параллели между терактом 11 сентября 2001 года и Второй мировой войной, а также «холодной войной», заявив, что «амбиции гитлеризма, милитаризма и коммунизма были побеждены волей свободных людей, силой великих союзов и мощью Соединенных Штатов Америки»¹⁶.

К *угрозам Ближнему Востоку* до 11 сентября 2001 года «Нью-Йоркер» причислил Бен Ладена, финансово поддерживавшего антигосударственные группы в Египте, Алжире, Йемене, Сомали, Саудовской Аравии и Филиппинах, Чечне, Косово, Боснии и Таджикистане, а также такие страны, как Пакистан и Иран, спонсировавшие террористов. После 11 сентября 2001 года основной угрозой региону оставался Бен Ладен, сохранивший контакты с террористами и амбиции усилить гражданские войны на Ближнем Востоке.

Основная *угроза Афганистану* исходила от «Талибана», радикального и непримиримого режима, репрессировавшего собственных граждан по рели-

¹⁵ См. State of The Union Address to the 107th Congress. The United States Capitol. Wash. (DC), 2002. January 29.

¹⁶ State of The Union Address to the 108th Congress. The United States Capitol. Wash. (DC), 2003. January 28.

гиозному и половому признакам. Афганистан, в риторике Буша, представлял таким, каким «Аль-Каида» хочет видеть мир: «Народу Афганистана приходится многое терпеть... Женщинам запрещено посещать школы. За просмотр телевизора можно оказаться в тюрьме»¹⁷. Ни Бен Ладен, ни конкретные лидеры «Талибана» не были упомянуты Бушем, он вновь использовал абстрактную лексику — «руководство “Аль-Каиды”» и «режим “Талибана”».

Авторы «Нью-Йоркер» использовали несколько раз слово «ненависть», объясняя, что люди по всему миру чувствуют по отношению к США, и теракт 11 сентября 2001 года является красноречивым подтверждением этого сильного чувства. Ненависть предстает в риторике журнала «непрямой угрозой».

Определение врага

Как противоборствующие стороны определяют врага, зависит от вида войны. Если это классическая война с двумя противниками, встретившимися на поле битвы, официальная риторика не предполагает особого различия между нацией и государством — есть только враг, которого необходимо победить. В случае необъявленной войны против разбросанных по всему миру террористов СМИ и политикам важно сохранить нейтралитет в отношении нации и религии, к которым принадлежат террористы.

«Нью-Йоркер» представил два вида врага: государства и не-государства. Последняя группа включала Усаму бен Ладена и его террористическую сеть «Аль-Каида», а также других террористов. К последним относились «Талибан», несостоявшиеся государства и Советский Союз (враг Афганистана в 1979—1989 годах). В риторике Буша мы нашли следующие определения врагов: негосударства (террористы), государства (государства-изгои, враждебные режимы и «Талибан») и еще один вид, который отсутствует в риторике «Нью-Йоркер», — абстрактный враг, зло.

«Нью-Йоркер» проводил различие между терроризмом-идеологией и террористами-преступниками, что позволяет определить вид войны, в которую были вовлечены США: победа над «Талибаном» не была тем же самым, что победа над «Аль-Каидой», глобальной террористической сетью, — так же, как и победа над «Аль-Каидой» не сможет разом уничтожить международный терроризм — «борьба только началась»¹⁸. После терактов 11 сентября 2001 года «Нью-Йоркер» следовал риторике президента Буша: врагами не были ни мусульмане, ни арабы, «враг — это скопление слабо связанных между собой организаций, известных как “Аль-Каида”»¹⁹. Террористы были «смертельными врагами самой идеи “толерантность”»²⁰.

С самого начала Буш определил террористов как основных врагов США. Он описывал их общими терминами, не называя конкретных имен, его риторика в отношении врага была поставлена в рамки «борьбы добра со злом». Есть «мы», которые правы и имеют право защищать себя против «них», у ко-

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *См.* State of The Union Address to The 107th Congress. The United States Capitol. Wash. (DC), 2002. January 29.

¹⁹ Hertzberg H., Remnick D. The Trap.

²⁰ Hertzberg, H., Remnick D. A year after // The New Yorker. 16.09.2002.

торых нет другого намерения, кроме разрушения «нашей» культуры, цивилизации и убийства людей. Президент не проводил различия между террористами и теми, кто предоставляет им убежище, государствами-изгоями, такими, как Ирак: «...для каждого режима, спонсирующего террор, есть своя цена, которую он должен заплатить»²¹. Расфокусированный взгляд Дж. Буша на врага давал ему возможность для политического маневра: утверждение, что террористы существуют в более чем в 60 странах, расширяло границы войны с терроризмом, делая ее по-настоящему глобальной. Буш упомянул об Усаме бен Ладене только однажды, сразу же после атаки 11 сентября 2001 года²². «Аль-Каида» появляется в его заявлениях 25 раз, терроризм — 93, «Талибан» — 23, Саддам Хуссейн — 27, а Ирак — 78 раз.

Среди потенциальных врагов-государств «Нью-Йоркер» перечислил Иран, Ирак, Пакистан, Судан и Афганистан (из-за режима «Талибан»). «Нью-Йоркер» причислял СССР к врагам Афганистана, вспоминая войну 1979—1989 годов. Буш ни разу не упомянул о Советском Союзе в контексте угрозы или врага; он лишь комментировал идеологию «империалистического коммунизма» в целом.

Определение войны

Противоборствующие стороны традиционно определяют войну в собственных терминах. Для Усамы бен Ладена это был «джихад против Запада». Слово «джихад» связано с фреймом «религиозной войны»: мир состоит из двух домов: дома ислама и дома войны — то есть мира неверных.

Сразу же после атаки 11 сентября 2001 года Буш заявил, что война не будет иметь территориальных и временных границ: «Наша война против террора начинается с “Аль-Каиды”, но ею не заканчивается. Она не закончится, пока последняя террористическая группа не будет найдена, остановлена и уничтожена»²³.

В течение трех лет (2000—2003) было три фазы войны, как их определил сам Буш:

- «мы держимся сообща, чтобы выиграть войну против терроризма»;
- «наша война с терроризмом только началась»;
- «мы выигрываем».

С самого начала Буш описывал войну, используя фреймы «война по необходимости» и «справедливая война». Он особо указывал на то, что не США инициировали войну, но «враги свободы, совершившие воинственные действия против нашей страны»²⁴, а США взяли на себя право решать, в какой час война завершится²⁵. США играли существенную и лидирующую роль

²¹ Address to The United Nations General Assembly United Nations Headquarters New York. N. Y., 2001. November 10.

²² *См.* Address to The Joint Session of The 107th Congress. United States Capitol. Wash. (DC), 2001. September 20.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ National Day of Prayer and Remembrance. Service The National Cathedral. Wash. (DC), 14.09.2001. — www.sonsserver.com/billy-graham.htm

в конфликте не только потому, что стали мишенью террористов и теперь должны наказать преступников, но и потому, что сама история призвала их защищать себя и мир. Это утверждение приводит нас к фрейму «ответственность действовать», анализ которого будет произведен ниже.

Фрейм объединения усилий в борьбе против терроризма появляется как в риторике журнала, так и в президентских выступлениях. Он был представлен на двух уровнях — национальном и мировом. Буш описывал глобальную войну с терроризмом как «наша война», то есть война Америки и мира. То, что делает эту войну «войной США», как следует из «Нью-Йоркер», это террористические акты, совершенные именно против Америки.

На протяжении 2002 года Буш использовал риторику победы: «наша война... началась хорошо», «мы выиграем эту войну» и «мы одержим победу». Риторика победы создавала ощущение контроля ситуации в Афганистане и тому были доказательства — свержение «Талибана», ликвидация тренировочных лагерей и поимка террористов. Несмотря на военные победы, война против терроризма была далека от завершения: «Если мы отступим сейчас — оставим террористические лагеря и государства непроверенными — наше чувство безопасности будет ложным и временным»²⁶.

Если мы посмотрим на динамику образа войны в «Нью-Йоркер», то увидим следующую тенденцию: в течение 2001 года журнал описывал войну как «новый вид войны» и предполагал, что США должны изменить стратегию обороны в соответствии с новым курсом международных отношений: с окончанием «холодной войны» вероятные враги становятся менее предсказуемыми. К 2002 году война против терроризма перешла границы «войны необходимости», но «Нью-Йоркер» предупреждал, что война с терроризмом может стать войной цивилизаций, войной между исламом и Западом. В 2003 году война в Афганистане была названа «войной Америки» и «войной администрации Буша против терроризма» (метод персонификации). Персонификация является первым шагом в наделении политических лидеров (не общества или страны в целом) ответственностью за происходящее.

Определение ответственности

Как мы писали выше, для морального оправдания применения силы государство обращается к понятию ответственности. Это понятие появилось в журнале «Нью-Йоркер» и президентской риторике на нескольких уровнях: национальном (ответственность перед страной), мировом (ответственность перед миром) и региональном (ответственность перед Афганистаном). «Ответственность действовать» предполагает «помогать», «защищать» и «предотвращать».

Ответственность перед страной. Лишь две статьи «Нью-Йоркер» сохранили риторику ответственности действовать. В одной приводилась цитата Усамы бен Ладена «у американцев кишка тонка защитить самих себя. Они морально слабы»²⁷. Другая статья указывала, что «американская свобода, один из наших поводов для гордости, приняла удар»²⁸.

²⁶ State of The Union Address to the 107th Congress. The United States Capitol. Wash. (DC), 2002. January 29.

²⁷ Lemann N. The next world order // The New Yorker. 01.04.2002.

²⁸ Updike J. The talk of the town // The New Yorker. 24.09.2001.

Фрейм ответственности перед страной был введен в риторику Буша двумя категориями: защита и предотвращение. Буш использовал слово «оборонять(-ся)» (to defend) в отличие от «защищать(-ся)» (to protect): «оборонять(-ся)» чаще используется в том случае, когда враг известен. Для «защиты» необязательно наличие врага, в первую очередь это — «предотвращение».

Буш использовал слово «оборонять(-ся)» в контексте активной роли Соединенных Штатов в войне с терроризмом: «мы будем защищать наших союзников и наши интересы», «мы призваны защищать безопасность наших людей», «авторы массового убийства будут повержены и никогда не получают доступ к оружию массового уничтожения», «мы уничтожим террористические лагеря, разрушим планы террористов и накажем их»²⁹.

В различных контекстах слово «ответственность» появилось 35 раз — чаще всего в ряду категорий «свобода», «правительство», «Америка» и «государство».

К фрейму *ответственность перед миром* относились сообщения о помощи, защите и предотвращении. Эти фреймы создавали образ США как доминирующей мировой державы, которая взяла на себя политические обязательства — «гарантировать гражданские права, независимые институты и ответственные демократически избранные правительства»³⁰.

Сразу же после теракта 11 сентября 2001 года «Нью-Йоркер» использовал фрейм США как «отца» для тех людей, которые разделяют ценности и идеалы Америки: «В современной еврейской мифологии Америка — это фигура отца, который спас многих евреев от жестоких большевиков и нацистов, даровав нам дом»³¹. Основная цель политики США заключалась в распространении демократии — «Нью-Йоркер» в этом следовал риторике президента: «...люди Ирака... однажды присоединятся к демократическому Афганистану и Палестине, вдохновляющим реформам по всему мусульманскому миру»³².

Риторика ответственности обычно построена на конкретных гуманистических ценностях и идеалах. Риторика же Буша оставалась «мистической», он часто упоминал, что сама история призвала США действовать, поэтому у страны священная миссия — защитить и обезопасить целый мир: «Америка остается вовлеченной в мир историей и выбором», «страна... была призвана защитить свободу», «наша ответственность перед историей уже ясна», «история призвала Америку и наших союзников действовать, и это наша общая ответственность... бороться», «история призвала нас к этому, и мы принимаем» и т. д. Оборонять и защищать собственный народ и страну есть естественное обязательство правительства, но брать

²⁹ См.: The First Inaugural Address from West Front. U.S. Capitol. Wash. (DC), 2001. January 20; State of The Union Address to the 108th Congress. The United States Capitol. Wash. (DC), 2003. January 28; Address at the Citadel / The Citadel Charleston, South Carolina, 2001. December 11; State of The Union Address to the 107th Congress. The United States Capitol. Wash. (DC), 2002. January 29.

³⁰ Lewis B. The revolt of Islam // The New Yorker. 19.11.2001.

³¹ Appelfeld A. The talk of the town // The New Yorker. 24.09.2001.

³² Lemann N. Order of Battle // The New Yorker. 18.11.2002.

ответственность перед остальным миром — это до сих пор спорный феномен³³.

Фрейм *ответственности перед Афганистаном* был поставлен в контекст войны 1979—1989 годов. США помогали Афганистану, преследуя собственные стратегические цели — «хороший способ побить Москву в шахматной игре»³⁴. «Нью-Йоркер», вспоминая войну 1979 года, называл афганских повстанцев «борцами за свободу» — не «террористами», «моджахедами» или «воинами священной войны».

Вопрос о том, чтобы быть *ответственными за происходящее в Афганистане*, был поднят только в СМИ. Фрейм об ответственности США появился в журнале в контексте войны 1979—1989 годов в комментариях афганских и пакистанских официальных представителей: «ЦРУ и моджахеда создали этих “франкенштейнов” — “Талибан”, и сейчас ЦРУ пытается их вырвать, но это невозможно разрушить франкенштейнов»³⁵. В другой статье говорилось об ответственности за будущее Афганистана: «Как американец, вы (журналист. — Н.А.) должны чувствовать ответственность за все, за Афганистан, поскольку если вы уйдете сейчас, то начнется гражданская война, и ситуация будет еще хуже, чем прежде»³⁶.

Риторика войны: «Огонек» (1979—1983)

Определение угрозы

Идеология «холодной войны» контролировала политический и медиадискурсы, упаковывая восприятие мира в простые черно-белые стереотипы. Цель советской информационной политики состояла в том, чтобы предотвратить публичное обсуждение участия Советского Союза в войне в Афганистане, поэтому угрозам подвергался в первую очередь последний. Решение об отправке ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) не должно было быть воспринято на родине как оккупация или интервенция. Мировое общественное мнение уже было против СССР: на внеочередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 104 делегации проголосовали против решения СССР, и только 17 — за.

То, что угрожало Афганистану, косвенно представляло опасность для СССР: после Апрельской революции страна стала частью мира государств «социалистической ориентации». Более того, то, что угрожало Афганистану, СССР и его союзникам, представляло опасность и для всего мира: «...наско-

³³ Понятие ответственности имеет дуальную природу — ответственность *перед* и ответственность *за* кого-/что-либо. Недавняя дискуссия по поводу политики ответственности была инициирована Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета сразу после теракта 11 сентября 2001 года, когда и было представлено понятие «ответственность защищать». Политика ответственности включает три вида ответственности: предотвращать, реагировать и восстанавливать. Ответственность защищать может быть использована для оправдания войны и, соответственно, нарушения суверенитета, когда люди конкретной страны оказываются в ситуации риска, страдают от гражданской войны, репрессий и геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности, и когда собственное правительство не может обеспечить им защиты, необходимо вмешательство третьих стран.

³⁴ **Vollmann W. T.** Across the Divide // The New Yorker. 15.05.2000.

³⁵ **Hersh S. M.** Watching the warheads // The New Yorker. 05.11.2001.

³⁶ **Anderson J. L.** The city of dreams // The New Yorker. 24—31.12.2001.

ки наших классовых и идеологических противников не должны остановить нас в том, чтобы быть на высоте защиты широких интересов нашей безопасности, безопасности наших союзников и друзей, в том числе таких государств, как Афганистан, народ которого выражает неуклонную волю и впредь твердо идти по пути сотрудничества со странами социализма, по пути революционных преобразований общества на прогрессивных и демократических началах»³⁷.

Угроза Афганистану была внешней. «Огонек» описывал ее как «вмешательство во внутренние дела»: «Все эти революционные преобразования, происходящие в Афганистане, пришлось не по душе империалистическим и реакционным кругам. Сброшенные с пьедестала власти феодалы ошечинились ненавистью к новому строю. Соединенные Штаты и другие западные страны никак не могут смириться с новой ситуацией, сложившейся в связи с победами, одержанными в освободительной борьбе народами стран Среднего Востока»³⁸. В этом контексте журнал комментировал Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, подписанный СССР и Афганистаном в 1978 году: «Вот почему, когда над Афганистаном нависла прямая угроза вооруженного вмешательства извне, он прежде всего обратился с настоятельной просьбой к СССР об оказании срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную»³⁹. Это заявление о «срочной помощи» было основным фреймом в течение первых шести лет конфликта.

18 марта 1979 года премьер-министр ДРА Нур Мохаммад Тараки в телефонном разговоре предупредил Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, что «ситуация ухудшается... Люди не поддерживают правительство...», и просил прислать «людей и вооружение». В случае отказа, предупреждал Тараки, повстанцы дойдут до Кандагара и Кабула, и если Герат падет, возникнут серьезные проблемы для Советского Союза и Афганистана⁴⁰.

Окончательное решение отправить войска было принято 27 декабря 1979 года, один из мотивов — предотвратить потерю Афганистана и завоеваний Апрельской революции. Прямая внешняя угроза Афганистану была представлена как *непрямая угроза СССР*: эта страна располагалась поблизости от южных советских границ, что означало, во-первых, распространение религиозного фундаментализма на советские мусульманские республики; во-вторых, если бы США вторглись в Афганистан, они были бы близки к Советскому Союзу как никогда: «Президент США Джимми Картер прямо заявил на днях, что, дескать, Афганистан является “одним из важнейших” для США регионов мира, и открыто претендовал на некое “право” Вашингтона решать, какое правительство следует установить в этой стране»⁴¹. Суверенитет Советского Союза был под угрозой: «Афганистан... находится в непосредственной близости от наших границ, соседствует с советскими республиками Средней Азии, имеет границу большой протяженностью, недалеко находится и Китай. Поэтому необходимо проявить заботу о безопасности

³⁷ О наших шагах в отношении Афганстана // Огонек. 27.12.1979.

³⁸ **Корявин Л.** Афганистан: народ на страже // Огонек. 23.08.1979.

³⁹ **Кассис В., Рашидов К.** Торжество революции // Огонек. 12.01.1980.

⁴⁰ Что от нас скрывали // Труд. 23.06.1992.

⁴¹ **Корнилов Ю.** Афганистан в борьбе за новую жизнь // Огонек. 09.02.1980.

нашей социалистической Родины и учитывать наш интернациональный долг»⁴². «Потеря завоеваний Апрельской революции» означала возвращение к эксплуататорскому строю и политике террора Амина.

Советский Союз видел *прямую угрозу* со стороны антисоветской политики США, «мирового жандарма», который использует «политику дубинки». Один из августовских номеров «Огонька» содержал рубрику «США: география вмешательства». 27 декабря 1979 года Политбюро заявило, что «Советский Союз исходит из общности интересов Афганистана и нашей страны в вопросах безопасности, зафиксированной в Договоре о дружбе и сотрудничестве 1978 года, из интересов сохранения мира в этом районе». Из международных документов власти Советского Союза ссылались на статью 51 Хартии ООН, предусматривающую «неотъемлемое право государства на коллективную и индивидуальную самооборону в целях отражения агрессии и восстановления мира»⁴³.

Л. И. Брежнев, выступая на предвыборном собрании в Бауманском районе Москвы 22 февраля 1980 года, среди прочего, прокомментировал «афганский вопрос». Он обвинил «империализм» в желании доминировать в мире и проведении агрессивной внешней политики. Брежнев отрицал, что советские войска «вторглись» в Афганистан, ссылаясь на Договор о дружбе и просьбы афганского правительства к СССР оказать срочную помощь: «СССР выведет свои воинские контингенты из Афганистана, как только отпадут причины, вызвавшие их присутствие там, и афганское правительство сочтет, что это присутствие не является более необходимым»⁴⁴.

Определение врага

Власти Советского Союза использовали «необходимую иллюзию» врага, чтобы ввести в сферу публичного обсуждения идею нестабильности в Афганистане и угрозы национальной безопасности южных границ СССР. Конфликт в Афганистане был неизбежен: первая цель США — «согнуть в дугу афганский народ», вторая — выстроить стратегическую арку на рубежах Советского Союза.

Образ противника в журнале «Огонек» представлен двумя категориями: враги *внутренние*, боровшиеся против правительственной власти, и враги *внешние*, общие как для ДРА, так и для СССР. Риторика в отношении врагов была пересыпана идеологемами для создания эмоциональной наглядности: *крупные дельцы, эксплуататоры, ханы, ощетилившиеся феодалы, шейх, контрреволюция, служитель культа, враги революции, басмачи*. Перечисленные выше наименования относились к абстрактному врагу; для описания конкретных противников журналисты выбирали более эмоциональные эпитеты: *душманы, бандиты, главарь, бандитский выродец, банда, мятежники, головорезы, террористы, профессиональный платный убийца, преступники, оборотни, недруги, наемники*. Третью группу составляли образы общих врагов ДРА и СССР: *пособники империалистов, китайские гегемонисты, заокеанские толстосумы, банды империалистических наемников*.

⁴² О наших шагах в отношении Афганистана.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на предвыборном собрании в Бауманском районе Москвы 22 февраля 1980 года // Власть. 01.03.2010.

Внутренние враги использовали тесные связи с внешними врагами, последние поддерживали афганскую контрреволюцию: «Все это оружие выпускает американская фирма, существующая под эгидой ЦРУ США... Из показаний выяснилось, что офицер-чужеземец был не кто иной, как военный инструктор американской разведки по кличке “Билл”, а коллега его — выходец из России, некий “Эдвард”, агент ЦРУ и функционер эмигрантской антисоветской организации “Народно-трудовой союз”»⁴⁵. Журнал часто использовал эмоциональную риторику, чтобы вызвать у аудитории презрение и ненависть к врагу.

Одним из внутренних врагов, имевших тесные связи с западным империалистическим миром, был Хафизулла Амин. К концу 1970 года советская пресса создала его образ как диктатора и агента ЦРУ: «Действия Амина ведут к дальнейшему углублению раскола в НДПА... Поведение Амина в сфере отношений с СССР все более отчетливо обнажает его неискренность и двуличие. В лице Амина нам приходится иметь дело с властолюбивым, отличающимся жестокостью и вероломством деятелем. Не допустить победы контрреволюции в Афганистане или политической переориентации Амина на Запад, представляет целесообразным придерживаться следующей линии»⁴⁶. Амин был персонификацией домашнего врага, одновременно являвшимся и врагом СССР.

С середины 1980 года «Огонек» освещал вторжение Запада в Афганистан как свершившийся факт: «У границ Пакистана, вблизи от Хайберского прохода, плохо вооруженные афганцы в 1919 году мужественно отбивали попытки англичан прорваться в Афганистан и поработить страну. Прорвались в Афганистан американцы...»⁴⁷ 27 декабря 1979 года члены Политбюро заявили: «Грубое вмешательство со стороны некоторых держав в дела Афганистана продолжается, причем масштабы его увеличиваются, на афганскую территорию засылаются вооруженные формирования и оружие для контрреволюционных элементов и банд, деятельность которых направляется из-за границы»⁴⁸.

Определение войны

С самого начала конфликта освещение войны в Афганистане происходило в контексте медийной афганизации, мы используем это понятие по аналогии с вьетнамизацией: афганские военные были ответственны за проведение боевых операций, ОКСВ же выполнял «бескровный» интернациональный долг.

Первым материалом, в котором упоминалось реальное столкновение советских солдат с моджахедами, являлась аналитическая статья корреспондента «Огонька» Бориса Марбанова «Шакалы в волчьем логове». Материал выступал как опровержение гибели советского военнослужащего Сергея Афиндулиди и реального вооруженного столкновения с повстанцами, о которых говорилось в эмигрантском журнале «Посев». Парадокс заключался в том, что в советском издании появилась правдивая информация о выжившем Афиндулиди, но была произведена подмена понятий — бой произо-

⁴⁵ **Марбанов Б.** Шакалы в волчьем логове // Огонек. 25.06.1982.

⁴⁶ Об обострении в Афганистане и нашей линии в связи с этим // Огонек. 31.10.1979.

⁴⁷ **Софронов А.** Дорога через Афганистан // Огонек. 30.05.1981.

⁴⁸ О наших шагах в отношении Афганистана.

шел во время прохода мирной колонны советских солдат. В то время как в «Посеве» была дана достоверная информация о том, что советские солдаты вместе с армией ДРА участвовали в перехвате отрядов лазутчиков из Пакистана и караванов с американским оружием для бандитов, во время чего якобы и погиб Афинулиди.

Статья «Афганистан борется, Афганистан побеждает» следовала традиции героизации советских солдат, которые были примером мужества для афганской армии, но истинным героем советской прессы была именно афганская армия, поскольку воевала именно она, а не советские солдаты, о чем и говорится в заголовке⁴⁹.

Война в Афганистане была охарактеризована как «необъявленная война» против Афганистана: ни Советский Союз, ни США не объявляли войну Афганистану. Слова «необъявленная война» имели негативный смысл — они подтверждали агрессивную политику США на Востоке, в то же время оправдывали решение ввести ОКСВ: «Направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели — оказание помощи и содействия в отражении актов внешней агрессии, которые имеют место длительное время и сейчас приняли еще более широкие масштабы»⁵⁰.

Советские лидеры не использовали слово «война», предпочитая слова «помощь» и «поддержка». Решение отправить войска в Афганистан было «актом доброй воли» и «хорошей политики», это была «война по необходимости» — Советский Союз не мог стоять в стороне, когда «южный сосед» оказался под угрозой.

Определение ответственности

Советские войска не могут быть отправлены в Афганистане, пока правительство ДРА официально не попросит об этом, заявил Андрей Кириленко 17 марта 1979 года. А. А. Громько подтвердил: «Согласно уставу ООН страна может обратиться за помощью, и мы могли ввести войска в случае, если бы они подверглись агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, революционная междоусобица, бои одной группы населения с другой. Руководство страны не пользуется должной поддержкой народа»⁵¹.

Официальная просьба ДРА о помощи, в том числе и военной, была основным риторическим фреймом для оправдания решения отправить войска, советские лидеры говорили об ответственности помочь Афганистану противостоять агрессии и защитить национальную безопасность, предотвратить возможные атаки в будущем: «Мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан. 60 лет мы живем с ним в мире и добрососедстве. И если сейчас Афганистан мы потеряем, он отойдет от Советского Союза, то это нанесет сильный удар по нашей политике»⁵².

⁴⁹ См. **Верченко Ю., Селихов И.** Афганистан борется, Афганистан побеждает // Огонек. 07.04.1984.

⁵⁰ Выписка из протокола № 177 заседания Политбюро ЦК КПСС от 29 декабря 1979 года «Об ответе на обращение президента Картера по линии прямой связи по вопросу об Афганистане» // Огонек. 29.12.1979.

⁵¹ Заседание Политбюро ЦК КПСС «Об обострении обстановки в Демократической Республике Афганистан и наших возможных мерах» // Огонек. 17.03.1979.

⁵² Там же.

27 декабря 1979 Политбюро ЦК КПСС удовлетворило последнюю просьбу о помощи афганскому правительству: «Учитывая все это и просьбу нового афганского руководства о помощи к содействию в отражении внешней агрессии, Советский Союз, руководствуясь своим интернациональным долгом, принял решение направить в Афганистан ограниченные советские воинские контингенты, которые будут выведены оттуда после того, как отпадут причины, вызвавшие необходимость такой акции»⁵³.

После этого Громыко встречался с Шах Мохаммад Достом, министром иностранных дел ДРА, и инструктировал его, как стоит отвечать на вопросы о присутствии советских солдат в Афганистане: «Необходимо особо подчеркнуть, что введение в Афганистан ограниченного военного контингента было осуществлено Советским Союзом в ответ на неоднократные обращения правительства ДРА к руководству СССР... В связи с непрекращающимся вмешательством со стороны внешних сил во внутренние дела Афганистана, он был вынужден неоднократно обращаться к Советскому Союзу за помощью, в том числе и военной... Напомнить 51 статью устава ООН, а также положения Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве... Ограниченный советский воинский контингент был введен в Афганистан только для оказания ему помощи в отражении непрекращающихся агрессивных действий внешних сил, в частности с территории Пакистана, где лагеря беженцев усилиями США, других западных стран и Китая были превращены в центр подготовки и засылки в Афганистан многочисленных вооруженных групп... Заявить, что ограниченный советский контингент будет полностью выведен из ДРА после того, как отпадет надобность в его пребывании в Афганистане, как только будут прекращены вооруженные вторжения и агрессивные провокации извне, и будет обеспечена безопасность Афганистана»⁵⁴.

Те же самые слова были повторены и в беседе с послом ФРГ Гансом-Героком Виком, зафиксированы в протоколе 18 и опубликованы «Огоньком»: «В самом конце прошлого года народы наших стран отметили первую годовщину подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА»⁵⁵.

В самом начале войны было относительно немного официальных заявлений, почти все советские СМИ перепечатали интервью Л. И. Брежнева корреспонденту «Правды». Оно появилось сразу же после решения о введении войск, в январе 1980 года. Интервью было посвящено существующим угрозам Афганистану, ответственности по защите советских границ, в нем подчеркивалась решимость СССР сдержать обещания, данные на международном уровне. Брежнев использовал объяснительную риторику, чтобы у советских людей не возникло вопросов о решении правительства отправить войска: «единственная задача, поставленная перед советскими контингентами, — содействие афганцам в отражении агрессии извне» и предотвратить превращение Афганистана в «очаг серьезной угрозы безопасности Советского государства»⁵⁶. Брежнев обвинил США, Китай, Паки-

⁵³ О наших шагах в отношении Афганистана.

⁵⁴ Запись основного содержания беседы А. А. Громыко с Министром иностранных дел ДРА Ш. М. Достом // Огонек. 04.01.1980.

⁵⁵ Кассис В., Рашидов К. Торжество революции.

⁵⁶ Ответы Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента газеты «Правда» // Комсомольская правда. 13.01.1980.

стан и другие западные страны во вторжении в Афганистан, и подчеркнул миролюбивый курс советской внешней политики — защита Афганистана и суверенитета собственной страны.

Фраза «отразить агрессию» была одним из распространенных фреймов в «Огоньке»: «...наш народ (слова Бабрака Кармаля. — Н. А.) приветствует прибытие сюда ограниченных контингентов Вооруженных сил СССР, он тепло, по-братски встречает советских воинов, понимая, что они находятся в нашей стране лишь для того, чтобы помочь нам отстоять завоевания апрельской революции от вооруженных наскоков извне», «наши войска в Афганистане осуществляют благородную и высокую миссию защиты интересов дружественного государства и дружественного народа от внешних врагов», «временный ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан был просто необходимым для нас шагом»⁵⁷. «Перед нами маленькая брошюрка, которую командиры вручают каждому советскому военному служащему в Афганистане. Это “Памятка советскому воину-интернационалисту...”. В ней подчеркивается, что наша страна протянула руку помощи народам дружественного Афганистана и задача солдата — помочь отразить агрессию империализма извне»⁵⁸.

Для контент-анализа мы использовали схему из четырех элементов — угроза, враг, война и ответственность. Наше исследование показало, что «Нью-Йоркер» и «Огонек» поддерживали собственные правительства в начале войны: массмедийная риторика была основана на фрейме символической борьбы добра со злом. Риторика американского журнала была более конкретной, содержала факты. Риторика Джорджа Буша была более абстрактной и «глобальной», ни Бен Ладен, ни «Аль-Каида» не были названы в качестве основных угроз США и миру. Американский президент указывал на «враждебные режимы», «преступные группы» и «террористов». С самого начала «Нью-Йоркер» изображал события как «войну Америки»; Дж. Буш же поставил военные действия в глобальный контекст — это война без территориальных и временных границ.

«Огонек» также следовал официальной риторике; можно даже сказать, что журнал отражал ее до мельчайших деталей. С самого начала война в Афганистане освещалась как внутренний конфликт, гражданская война и как борьба против внешней агрессии. Чтобы оправдать решение об отправке войск, в официальной риторике были проведены параллели между двумя государствами: Афганистан был молодой страной социалистической ориентации, а потому Советский Союз не мог стоять в стороне, не передав свой опыт «братскому народу». Одновременно то, что угрожало Афганистану напрямую, косвенно представляло опасность и для СССР.

Исследуя риторику в отношении врага, мы пришли к выводу, что «Нью-Йоркер» следовал риторике Дж. Буша: были представлены два вида врага — государства и негосударства. Буш называл абстрактного врага — зло. «Огонек» также отражал правительственную риторику в отношении врага:

⁵⁷ См.: Корнилов Ю. Афганистан в борьбе за новую жизнь; Попов Ю. Афганистан: пламя борьбы, пламя свободы // Огонек. 26.04.1980; Афганистан: путь к прогрессу // Огонек. 08.1980.

⁵⁸ Марбанов Б. Шакалы в волчьем логове.

из его публикаций следовало, что существовал один глобальный враг — империализм, персонифицированный в лице США и европейских стран. Афганцы должны были воевать против внешнего врага. В этом также был риторический маневр: если Афганистан борется против глобального врага, общего для всего социалистического лагеря, почему СССР должен оставаться в стороне?

Каждая страна — участник конфликта предстает как имеющая право и справедливую причину для войны. Это объединяло риторику США и СССР. Основное же различие заключалось в том, что Соединенные Штаты с самого начала были вовлечены в войну без территориальных и временных границ, войну по необходимости, глобальную и «нашу» войну; а президент Дж. Буш часто использовал победную риторику.

«Огонек» же фокусировался больше на вопросе национальной безопасности Афганистана, которому Советский Союз лишь помогал. Журнал следовал официальной риторике; в его изложении не возникало образа глобальной войны, но лишь войны «необъявленной». Вдобавок то была война по необходимости: Советский Союз не мог оставаться в стороне, пока Афганистан находится под угрозой; к тому же высказывалось опасение, что он может перейти на сторону Запада. Помимо прочего, говорилось об обеспечении безопасности южных границ СССР.

Последний элемент схемы — ответственность. Риторика «Нью-Йоркер» и Дж. Буша была более проработанна, чем риторика «Огонька» и советских лидеров. Американские журнал и президент указывали на ответственность перед страной, миром и Афганистаном защищать и предотвращать распространение терроризма. В риторике «Нью-Йоркер», как и Буша, США представляли в образе «отца», которого призвала история искоренить терроризм. Журнал вспоминал войну 1979—1989 годов, когда американское правительство поддерживало моджахедов, которые стали впоследствии террористами и следовательно — врагами США. Журнал использовал фрейм ответственности за происходящее — не только Соединенные Штаты ответственны, но и Советский Союз, прежде всего за преступления, совершенные в Афганистане.

«Огонек» следовал официальной риторике ответственности, называя решение отправить советские войска интернациональным долгом — Советский Союз должен был защитить Афганистан и собственный суверенитет от империализма.

В завершение вернемся к структуре статьи. Мы целенаправленно проводили исследование в обратном хронологическом порядке, что дало нам возможность показать, в какой степени черно-белая схема стереотипов «холодной войны» была замещена схемой глобальной войны с терроризмом. Мы увидели тот же самый дискурс угрозы и врага, ответственности защищать и предотвращать. Впрочем, эта схема используется для оправдания любой войны. ◆